

ПРОЛОГ

Глухо ухнув, ночная птица всего лишь обозначила свое присутствие, совершенно не имея никаких иных намерений. Но это было понятно только Эргису. А вот четверке сопровождавших его жандармов звук во тьме показался донельзя зловещим и угрожающим. Ну а как его воспринимать, находясь на кладбище, да еще и после заката? Голые ветки кустов и деревьев во тьме казались костяками невиданных чудовищ, и любая активность в их гуще воспринималась исключительно как нечто потустороннее и очень опасное.

Эргис сдержал улыбку. Похоже, они вспомнили популярные в Якутске страшилки про абасы, юеров и прочую нечисть. Это для якутов, слушавших рассказы стариков с младенчества, страх перед существами ночи стал привычным, а вот для пришельцев с Запада он все еще остер, как лезвие батыи. Впрочем, как раз Эргис-то и знает, что это совсем не сказки.

Но именно сейчас ни проводнику, ни жандармам ничего не угрожало, по крайней мере, в потустороннем плане — на православные кладбища якутские духи захаживать не очень-то любили. Почему беглец выбрал именно это место для своей тайной берлоги, Эргису было совершенно непонятно. Ведь в подобных местах следы читать очень легко, не то что на городских дорогах и тротуарах.

Все началось еще днем, когда жандармы вышли на заговорщика благодаря наводкам осведомителей. По городу подозреваемого вел опытный филер, заодно отслеживая все его контакты. И все же ротмистр решил привлечь к делу проводника из местных. Вполне разумно, ведь преследовали они не городского жителя, а якута, который в любой момент

мог уйти за городские окраины, где даже самый опытный филер будет совершенно беспомощен. То, что незнакомец сунется на кладбище, стало сюрпризом для всех, включая Эргиса.

К ограде они вышли уже на закате, удерживая в поле зрения фигуру ловкого специалиста по городской слежке. Дальше неприметный человек в куцем пиджачке и котелке не пошел, мотивировав это тем, что такие места — не его профиль. Эргис был полностью согласен с этим похожим на крысу человеком. Даже если при небольшом скоплении обывателей филер и мог незаметно преследовать явно непривычного к такой обстановке якута, то на заросшем кустами и деревьями кладбище ситуация кардинально менялась.

Пока разбирались с человеком-крысой, потеряли еще немного времени, так что к центру старого кладбища удалось добраться, когда уже стемнело.

Впрочем, для казака-сахальяра это не такая уж помеха. Во тьме Эргис видел немного лучше обычных людей, да и без этого чуткий нос бывшего охотника-промысловика уже уловил запах беглеца. Впрочем, сопровождавшим его людям о подобных талантах знать совершенно необязательно. Слуги великого светлого бога почему-то не признавали очевидных и простых вещей. Не особо разбираясь, они все, что отличалось от обычного и понятного, гребли под одну гребенку к темной стороне бытия. Так что приняховался Эргис осторожно, чтобы не заметили жандармы.

Поняв, что беглец совсем рядом, сахальяр правой рукой за полуметровую рукоять потащил через плечо свою батыю. Это оружие в сочетании с формой казака Якутского городского пешего полка выглядело как минимум непривычно, но даже упертый поборник традиций урядник Пахом Золин перестал ворчать, увидев, как сахальяр управляется этим непонятным «тесаком на палке». Правда, в таком виде на глаза высокому начальству Эргис все же предпочитал не попадаться.

Заметив движение проводника, жандармский поручик тут же напрягся.

— Эргис?

Казак тут же остановил его жестом левой руки. В последнее время местным представителям Жандармского корпуса

жизнь медом совсем не казалась, так что от былой неги и расслабленности не осталось и следа. Это сделало их намного понятливей и покладистой. Поручик замолчал и сам схватился за оружие. Его подчиненные тоже выхватили револьверы, и сахаляр взмолился, чтобы они не наделали глупостей. Молился он по привычке и светлому богу, чей крестик носил на шее, и предводителю якутских богов.

Запах беглеца резко усилился. Казак, крутнувшись юлой, ударил круговым движением, но острое лезвие лишь вспорол воздух. Противник атаковал не его, а одного из жандармов. С тихим треском рвущихся ткани мундира и человеческой плоти клинок батаса вошел в грудь жандарма, мгновенно оборвав его жизнь. Старший брат батыи, который имел более длинное древко, тут же скользнул назад и, не останавливаясь, загудел в воздухе, описав широкую дугу. Словно походя клинок перерубил горло еще одного жандарма. А еще через секунду хищник в человеческом облике без следа растворился во тьме.

Эргис сразу понял, что сейчас произойдет, поэтому тут же упал на полусгнившую прошлогоднюю траву, вжимаясь в пространство между двумя могильными холмиками. Обезумевшие от шока и страха поручик и его единственный выживший подчиненный начали палить в темноту, даже не пытаясь целиться.

Как бы ни спешил казак, но пришлось дожидаться, когда у стрелков закончатся патроны. В данной ситуации недостаток этого оружия стал его достоинством — чтобы перезарядиться, нужно не только потратить время, но и как-то заставить пальцы не дрожать.

— Ждите здесь! — крикнул сахаляр жандармам, которые хоть немного отвели душу стрельбой, и нырнул во тьму следом за беглецом, с легкостью менявшим роль жертвы на ипостась хищника.

Да, Эргис уже не так часто выбирался в тайгу, но было видно, что и беглец тоже немного отвык от лесной жизни. Рывок казака сократил дистанцию, при этом едва не став причиной его гибели. Только чудом уловив более насыщенный запах и поняв, что в этом месте беглец задерживался на какое-то время, сахаляр сумел избежать ловушки.

Сойдя с тропы, Эргис успел заметить заостренные ветки, расположенные так, что увидеть их можно только сбоку. Если бы не запах и вбитые с детства рефлексy, висеть бы сейчас казаку на этих кольях, как жуки и бабочки на булавах в коллекции профессора Муромцева. Эргис не раз водил этого странного человека по окрестным лесам и болотам.

Западня заставила казака задуматься и даже на секунду прервать свой бег. Глубоко вздохнув, он замер и чутко прислушался. Каким бы ловким и умелым воином ни был беглец, но он именно воин, а вот Эргис прежде всего охотник.

Уловив тихий шум впереди и справа, казак сменил направление и заскользил по зарослям кустов уже не так быстро, как ранее, но зато тихо и уверенно.

Их встреча состоялась через минуту на полянке практически у ограды старого кладбища. Беглец вовремя ощутил угрозу, но отреагировал, как воин. Удар батаса пришелся в то место, где должна была находиться голова или грудь нападающего человека, а также его оружие. Но свой прыжок Эргис произвел практически над самой землей. На этом уровне нападают звери. Удар головой в живот выбил дух из соперника. Казак крутнулся юлой и, как учил его старший урядник Кандыба, перехлестнул вооруженную руку противника коротким древком своего оружия, а затем сделал резкое движение. Жандарм говорил, что бунтаря нужно обязательно брать живым, а вот о переломах рук и ног речи не было.

Удовлетворенно услышав хруст чужого сустава, Эргис едва не пропустил жесткий удар левой рукой. Ее он тоже заблокировал древком, орудуя батыей со сноровкой тамбур-мажора, жонглирующего своим жезлом на параде.

А затем сахаляр нанес оголовьем рукояти двойной удар в подбородок и лоб соперника. На этом бунтарь, как любил говаривать Кандыба, «размяк» и позволил связать себя почти без сопротивления. Ни кандалов, ни веревок у казака с собой не было, так что пришлось использовать свой ремень, да и сыромятные ремешки на одежде пленника тоже пригодились.

Словно дожидаясь конца схватки, за оградой кладбища послышались свистки полицейских и замельтешили огоньки фонарей. Через минуту на полянке стало тесно и светло.

Расхристанный и злой как черт жандармский поручик хотел приголубить пленника ударом ноги, но Эргис остановил его.

— Не надо так делать.

— Он убил моих людей! — взъярился офицер.

— Я не о нем пекусь, а о вас, — спокойно сказал сахаляр, получив в награду за добрый совет яростный взгляд.

Впрочем, поручик оказался адекватным и ограничился только взглядом.

Уже через пару минут пленника погрузили на подводу и повезли к жандармскому управлению города Якутска. Правда, управление — это сильно сказано. В небольшом здании обнаружилось всего восемь жандармов, двое из которых уже оставили службу по вполне уважительной причине. Еще двое сейчас занимались погибшими товарищами. Зато в управлении имелась подвальная камера для узника. Эргис, которого войсковой старшина Засулич «одолжил» поручику до утра, не получив дополнительных указаний, решил остаться, чтобы присмотреть за пленником. Явившиеся на шум полицейские уже убрались восвояси, так что компанию казачку составляли трое жандармов.

Поручик, как только они смогли сличить пленника с фото из архива, жутко заволновался. Он тут же запер дверь в камеру и побежал будить телеграфиста, чтобы побыстрее отправить телеграмму в Иркутск. Из его торопливых пояснений было понятно, что такой улов в Якутске держать опасно и срочно нужно вызвать дирижабль. Затем жандармский офицер планировал явиться в расположение родного полка Эргиса и попросить дополнительную охрану хотя бы до прибытия воздушного транспорта с подмогой.

Сахаляр хорошо знал обстановку в городе и окрестностях, чтобы понимать всю правоту поручика. Ловушку ставили на одного из мелких вождей племени, который приторговывал левым золотишком, а в сеть попался слишком крупный лосось, как бы не порвал невод и не ушел по трупам. Точнее, сам-то он ничего из камеры не сделает, а вот товарищи могут ввязаться. А они у Дабаана по прозвищу Непокорный имелись — слишком уж популярная личность среди якутов. Некоторые считали его борцом против чужаков-за-

хватчиков, другие принимали за обычного бандита. Но то, что это простой человек, признавали все.

Обоснованность славы сильного лидера и вождя Эргис осознал буквально через минуту, когда пленник очнулся и посмотрел на него через прутья решетчатой двери.

— Эй, якут, — обратился он к нему на родном языке.

Казак не дал ему продолжить, ответив по-русски:

— Я — сахальяр, и ты это знаешь. В другом месте и в другое время ты именно так бы меня и назвал.

— То, что чужак воспользовался слабостью бедной женщины, не делает тебя якутом меньше, чем твоих родичей.

— Ты ничего не знаешь ни о моей матери, ни об отце, ни тем более о родичах, — опять перебил пленника казак.

С такими, как этот Непокорный, нужно вести себя словно общаешься с юером, пришедшим в полночь к твоему балагану.

— Не знаю, как там было в твоём родном стойбище, — не унимался говорун, — но уверен, что для нуучча своим ты не станешь никогда. Как и все мы. Мы всегда будем для них отбросами, тупыми дикарями, которые не могут жить без крепкой руки белого царя.

Лидер якутского освободительного движения внезапно осекся, натолкнувшись на ехидную улыбку казака.

Эргис улыбался вполне искренне. Слова этого опасного мечтателя были бесполезны. И дело не в том, что даже сил забайкальских и амурских казаков хватит, чтобы подавить любое восстание, что уж говорить о войсках Восточно-Сибирского военного округа. Да и намек на плохое отношение к полукровке для того, кто жил в дружной семье казаков, был пустым звуком и не цеплял. Важнее другое: выйдя из тайги, будущий казак принял в свое сердце не только светлого бога, но и еще одно божество по имени Закон. Да, именно тот закон, что записан словами на бумаге. Конечно, Эргису была введена русская поговорка про закон и дышло, но тот, кто пытался в одиночку ворочать это самое дышло, знает, что дело сие непростое и утомительное. А вот вожди и шаманы, в руки которых предлагает вернуть власть этот говорун, ничем подобным себя не утруждают. Для них законом является то, что нашептали духи в задурманенную мухоморами голову. Но чаще всего веления ду-

хов просто выдумываются для личной пользы. Вот какое, скажите, дело лесному повелителю Баю Байанаю, кто именно станет мужем красавицы Кун — лучший охотник Эргис или туповатый сын вождя племени?

Горькие воспоминания казака были прерваны шумом наверху. Опасливо покосившись на дверь камеры и посчитав ее вполне надежной, Эргис быстро взбежал по лестнице. Но уже наверху понял, что опасности нет. В управление явился какой-то офицер и занялся излюбленной офицерской забавой — шпынял тех, кто ниже по чину.

И все же что-то царапнуло слух. В Якутске сахаляр прожил уже десять лет. По-русски говорил почти без акцента и вполне был способен различать эмоциональнее оттенки. Сейчас он слышал напряжение. Казалось, что офицер говорил нехотя, через силу. Желание вернуться в подвал пропало. Появилось острое чувство, что и подвал, и весь этот дом внезапно превратились в смертельную ловушку. А чтобы выбраться наружу, придется пройти через главный холл, где и разворачивалось странное действо.

— А я требую немедленно доставить подозреваемого в полицейский околоток для допроса! — кричал офицер, стоявший спиной к казаку.

— Ваше благородие, сие никак не возможно, — вытянувшись в струнку, пытался возражать жандарм.

Внезапно, словно уловив взгляд Эргиса, офицер вздрогнул и чуть повернул голову. Казак узнал помощника полицеймейстера, но на этом понимание происходящего закончилось, а начался сущий кошмар. Полицейский резко выхватил револьвер и пугающе быстро трижды выстрелил в стоящих перед ним жандармов. Четвертая пуля должна была достаться Эргису, но он уже прыгнул в сторону окна. Да, можно было бы напасть, пока странный офицер расправляется с беспомощными жандармами, но слишком уж стремительным оказался стрелок, к тому же атаковать офицера даже в такой бредовой ситуации было бы самоубийством. Независимо от того, как все закончится, виноватым окажется простой казак. Так что выход был один — бежать.

Наружу Эргис вылетел вместе с оконной рамой и стеклом, благо окна в управе были большими и не особо крепкими.

Выйдя из переката, он тут же побежал, изо всех сил наращивая скорость. А все потому, что снаружи оказалось как бы не опасней, чем внутри. У самого крыльца над трупом последнего жандарма замерли два якута в традиционных кафтанах с опушкой. В руках они держали короткие карабины. У казака была всего пара секунд, чтобы добежать до открытой калитки и скрыться в темноте. Пули ударили в воротный столб через мгновение после того, как Эргис свернул за забор.

Дальше было проще. Догнать шустрого сахальяра в темноте и в хорошо знакомом ему городе практически невозможно, особенно неместным. Якутов он не узнал, а значит, прибыли они издалека.

Первой мыслью было рвануть в казармы полка, но пришлось от нее отказаться. По крайней мере, пока не станет известна обстановка. Тем более есть на кого положиться в этом вопросе.

Уже в предрассветных сумерках Эргис, сидевший на охотничьей заимке за пару километров от Якутска, услышал тихие шаги. Наружу он выбрался через тайный лаз, но, зайдя гостю в спину, даже не подумал притронуться к оружию.

— Крестный.

— Ох, Эргиска, — тяжело вздохнул пожилой казак, поворачиваясь к сахальяру. — Что же ты натворил? Тебя ищут как пособника бунтовщика и убийцу офицера.

— Да как так-то, крестный?! — ошарашенно выдохнул сахальяр.

Затем он встряхнулся, словно выбравшийся из полыньи пес, и четко, как учили казаки, пересказал своему наставнику события прошлой ночи.

— Дела, — протянул приказный казак Сомов. — Но тебе все равно придется бежать.

— Почему? — возмутился Эргис. — Ведь можно же все рассказать под надзором судебного ведуна. Ложь он всяко почует.

— Не доживешь ты до приезда ведуна с его чародейской штукой, — устало мотнул головой старик. — Удавят в полицейской камере. Никто не станет марать честь полиции цельного города. Бежать тебе нужно, казак.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Тонкие спицы полуденного солнца настырно пробивались сквозь листву, создавая композицию, достойную кисти Шишкина. Увы, в этой реальности такого художника не было, впрочем, хватало других, не менее талантливых. Мерно покачиваясь в седле, я смотрел вокруг, наслаждаясь чистым воздухом, теплыми лучами, скользившими по моему лицу, и лесным многоголосьем. Особенно старался какой-то соловей, изливая душу на высоких тонах.

Конец апреля в окрестностях Топинска радовал практически летней погодкой, несмотря на то что находимся мы в самой что ни на есть суровой Сибири. В Тобольске, под губернским подчинением которого состоит этот уездный город, по ночам еще подмораживает, а здесь уже зазеленели листья. Весна возле Стылой Топи уже набрала полную силу, хотя, судя по названию, все должно быть совсем иначе. Но таковы уж парадоксы и чудеса, связанные с этим местом Силы, и на погоду они не заканчивались. Особенно для меня — человека, родившегося в конце двадцатого века совсем другой реальности. Местный аналог середины восемнадцатого столетия, да еще и густо приправленный мистикой, магией и прикладной алхимией, оказался, мягко говоря, сюрпризом. Но человек — удивительное существо, способное привыкнуть и адаптироваться практически к любым условиям.

Я сумел взять себя в руки и влиться в эту реальность. У меня даже появились друзья, причем не только обычные люди, но и оборотни с вампирами. Да что уж там, среди

близких знакомцев затесался самый настоящий маньяк, со своим отношением к которому я до сих пор так и не определился.

Удалось даже свыкнуться с новыми возможностями, доставшимися мне после попадания в тело Игната Дормидонтовича Силаева. А был новоиспеченный коллежский секретарь Силаев ни много ни мало, а полицейским видом. То есть человеком, который, используя магические руны-татуировки на своем теле, способен в трансе наблюдать то, что произошло в момент убийства, даже спустя сутки после преступления. До недавнего времени в суде эти свидетельства принимались без особых проблем и вещественных доказательств.

Прочему до недавнего времени? Да потому что после позапрошлогоднего указа императора предоставленная видом информация уже не является неопровержимым доказательством, а принимается как простые свидетельские показания. Почему? Причиной тому стал начальник особой новгородской школы, в которой выращивали специалистов, способных поднять торжество правосудия на небывалый уровень. Он же превратил школу в секту убийц, дискриминировал не только себя, но и всех видов, покинувших альма-матер еще до свершившегося безобразия. Там вообще была мерзкая история, в которой по самую пятую точку увяз сыночек императора.

Сына император наказал, а вот сердобольная мамаша чокнутого принца затаила на меня злобу. Именно из-за мстительности ее императорского величества, чтоб ей кикимора досталась в невестки, я сейчас и еду на коне в гражданском костюме. Нет, в седло я забрался по собственной воле, а вот форму титулярного советника у меня отобрали, чтобы угодить этой венценосной стерве. О том, что время от времени меня посещают наемные убийцы, вообще умолчу.

Воспоминания об императрице испортили настроение, и я наподдал пятками по бокам кобылки, желая ускорить движение. Лошадь недоуменно всхрапнула.

— Извини, дорогая, — похлопал я ее по шее.

— Ваше благородие? — напрягся посланный за мной городской.

В седле он держался намного лучше меня. Явно бывший кавалерист.

— Все нормально, Данилыч, — отмахнулся я, гася внутреннее раздражение.

Да уж, только «благородие». До высокоблагородия недотянул, хотя и должны были дать при выходе в отставку коллежского асессора, который как раз и есть то самое высокоблагородие. И не то чтобы мне так уж важны все эти титулования, но все, что связано с той компанией по дискриминации после дела с «сосудами жизни», вызывало глухое раздражение. Впрочем, грех жаловаться — судья, мэр и многие другие видные жители Топинска не дали опустить меня на дно общества, несмотря на реальную опасность вызвать недовольство самой императрицы. В Топинске вообще живет народ не из трусливых — мало того что сибиряки, так еще и обретающиеся под боком Стылой Топи.

— Долго еще? — спросил я у городского, больше чтоб отвлечься от надоедливых воспоминаний.

— Да уже почти приехали, ваше благородие.

Так оно и оказалось. Небольшая и очень живописная полянка должна была навевать пасторальные мысли. Увы, впечатление портило наличие на ней полудюжины полицейских во главе с моим старым другом Лешей. Еще тут находился какой-то неопрятный мужик, мявшийся у самого края полянки. Он держал под уздцы такую же неприметную и неказистую лошадку, терявшуюся на фоне полицейский скакунов.

После моего возвращения из убийственного турне по Владимиру, Новгороду и Москве в полиции разразилась карьерная буря. Наш полицмейстер, уволивший меня в угоду московским властям, после ядовитого и толстого намека членов топинского сигарного клуба подал в отставку. Вместе с моей должностью городского видока в небытие улетел и особый отдел канцелярии генерал-губернатора Западной Сибири по присмотру за добычей и распространением дурманящих зелий. Так что Дмитрий Иванович Бренников, некоторое время прослуживший в этом отделе моим помощником, вернулся в полицию, причем сразу на должность ис-

полняющего обязанности полицмейстера, при этом проскочив в табели о рангах до уровня надворного советника.

Вот так и получилось, что для московских властей я весь в опале и загоне. А на самом деле живу себе практически безбедно.

Что же касается Лехи, то после всех пертурбаций он стал полноценным уездным следователем и получил возделенный чин коллежского секретаря.

— Приветствую вас, Алексей Карлович, — церемонно поздоровался я, что делал всегда, когда рядом находились подчиненные новоиспеченного следователя.

— Простите за срочный вызов, Игнат Дормидонтович, — слишком уж преувеличенно заботливо обратился ко мне друг. — Надеюсь, поездка в седле не показалась вам слишком утомительной.

Вот зря он меня подначивает. Сейчас ляпну что-нибудь при подчиненных, потом дуться будет. Это Леха так намекает на мое пристрастие к паромобилям и не самое нежное отношение к лошадям. Но так уж получилось, что к этой заимке вела лишь узкая тропинка в густом лесу, по которой паромобиль не проедет. Пришлось трястись в седле. Впрочем, прогулка вышла на удивление приятной, да и лошадка оказалась тихой.

— Не дождетесь, глубокоуважаемый Алексей Карлович, — с ехидной улыбкой ответил я. — Что тут у нас?

Леша намек понял и тут же посерьезнел.

— Убийство. Кто-то подрал шатунов, причем прямо в землянке.

— Как узнали, глушь ведь дремучая? — спросил я, осматриваясь.

На полянке, кроме сооружения, очень напоминавшего домик хоббита, имелась только пара навесов для сушки трав. А за пределами ее — вековой лес без признаков другого жилья на пару километров.

— Тут неподалеку деревенька бирюков, — пояснил следователь. — Шатуны сговорились с ними насчет подвоза продуктов. Вон тот мужик с утреца привез картошку да хлеб с молоком и застал здесь всю эту красоту.

Покосившись на землянку, Леша судорожно сглотнул. Я же посмотрел на свидетеля. В ответ тот лишь еще больше насупился и натянул картуз на глаза. Впрочем, подозревать его в чем-то было рановато. Бирюки вообще народ нелюди-мый. Живут в опасной близости от Топи, выращивают магические травы, на чем неплохо зарабатывают. Но платят Топи за сытую жизнь почти наравне с шатунами. В пользу непричастности свидетеля говорило и то, что он, увидев последствия смертоубийства, все же решился съездить в Топинск и привести полицию.

— Я только краем глаза глянул, да и то дурно стало, — справившись с приступом тошноты, продолжил следователь. — Даже представить страшно, какая тварь могла вы-ползти из Топи.

— Не факт, — хмыкнул я, осматривая вход в большую полуземлянку, действительно чем-то напоминающую жилище хоббита.

Шатуны любят делать такие убежища с небольшим насыпным холмом. Многие еще и высаживают сверху что-то наподобие газона.

У меня имелись обоснованные сомнения насчет гостя из глубин Стылой Топи. И хорошо бы они подтвердились. Бывал я однажды в сердце Топи. Ни одного монстра, к счастью, не встретил, но даже их зыбкие тени и голоса навевали неподдельный ужас.

В общем, внешний вид землянки пока не подтверждал ни версию о монстре из глубин места Силы, ни то, что здесь побывал простой мишка, пусть и в местной увеличенной версии. Любой зверь, добираясь до жертвы, разворотил бы здесь все похлеще бульдозера, а мы имеем всего лишь вывороченную тяжелую дверь. К тому же такое впечатление, что выламывали ее изнутри, словно убийца не врвался в землянку, а, наоборот, напролом пытался покинуть ее. Впрочем, какой смысл гадать, если через пару минут мне предстоит убедиться во всем воочию.

За последние годы мне довелось повидать всякого, но профессиональной флегмы опытного патологоанатома я так и не приобрел. Вид разодранных тел, залитых кровью стен и разбросанных повсеместно внутренностей вызвал

легкий приступ тошноты. А уж запах тут стоял такой, что никакими словами не передать. Леха полез следом за мной, явно чтобы показать подчиненным свою крутость, но сделал это зря.

За спиной послышался торопливый топот, а затем выразительные звуки блевания. Теперь будет корить себя за глупый поступок, хотя я уверен, что полицейские отнесутся к данному казусу вполне нормально. Наверняка те, кто явился сюда по вызову, проделали аналогичные действия в таком же порядке.

Ну а я лишь достал из сумки свою новую задумку — респиратор с дополнительной пропиткой душистыми травами. Таскать с собой противогаз было очень неудобно, а на месте преступления, помимо вполне естественных для таких ситуаций запахов, бывают и токсичные сюрпризы. О моих талантах преступники знали не так уж мало и порой прибегали к радикальным методам, пытаясь помешать мне войти в транс.

А неплохо здесь устроились шатуны. Обширная полуземлянка площадью квадратов тридцать, часть пространства съедала русская печь. В яркий день даже небольшого размера окно, находившееся над дверью, пропускало достаточно света, чтобы не пришлось зажигать фонарь. Но гогглы ночного видения я все же надел. Опыт в таких делах у меня большой.

Благодаря этому самому опыту и тренировкам мне уже не приходилось копировать японских самураев на чайных церемониях, дабы принять более устойчивую позу. Так что становиться коленями в подсохшую кровь нет никакой нужды. Я просто отошел в угол возле входа, выпрямился и глубоко вдохнул пропитанный травянистым запахом воздух. Ароматы гниения тоже ощущались, но не столь остро, чтобы сбить меня с концентрации.

Любое убийство оставляет на ткани мироздания отчетливый след, своеобразный шрам, который видок способен увидеть в течение суток. Благодаря расторопности бирюка до истечения этих самых суток еще далеко. Сконцентрировавшись, я постарался войти в транс, используя усиливающие мой дар руны-татуировки. Заглянуть в прошлое у меня

конечно же не получится, а вот увидеть отпечаток тех событий, пока что не растворившийся в реальности, я вполне способен.

Когда открыл глаза, то увидел уже совсем другую картинку. Звука, как всегда, не было, зато имелся шанс уловить эмоции как жертв, так и убийцы, но это как пойдет.

Теперь освещение шло не от окна, а от лампы на столе. Распотрошенные тела в трансе выглядели целыми и даже живыми. Два шатуна сидели у стола и внимательно осматривали нечто, лежащее на столешнице. Я остро ощутил чужой восторг, который вызывал в шатунах таинственный предмет. А еще они явно предвкушали что-то очень приятное в ближайшем будущем. Затем в одном из шатунов, в том, что меньше ростом, но с более резкими эмоциями, мелькнуло раздражение, и было оно направлено на третьего персонажа — худощавого паренька лет шестнадцати, наблюдавшего за старшими товарищами, сидя на лавке у стены. А вот в нем ни восторга, ни предвкушения не было и следа, зато душу парня разрывало беспокойство.

То, что я смог ощутить эмоции всех трех действующих лиц, означало, что передо мной либо три будущих покойника, либо две жертвы и убийца. В общем, в разрыве ткани мироздания тем или иным образом участвовала вся троица. Сейчас либо появится убийца, либо явно теряющийся на фоне более мощных сотоварищей юноша каким-то чудесным образом уграбит напарников. И, кажется, я догадываюсь, каким именно.

Наконец раздражение невысокого и более резкого шатуна превысило определенный уровень и он что-то сказал пареньку. Тот вскочил с лавки и с пылом ответил, ткнув пальцем в сторону предмета на столе. Невысокий не стал продолжать спор и внезапно с потрясающей скоростью выхватил из поясных ножен столь любимый шатунами нож-тесак и метнул его в парня. Юноша дернулся в попытке увернуться, но помогло слабо — клинок вместо груди врезался в плечо. Сильный удар отбросил юного добытчика обратно на лавку. Затем бедолага скатился на пол.

Метатель тесаков перевел взгляд на своего напарника и сказал ему что-то резкое. Второй шатун удрученно вздохнул.

В его эмоциях не было злости к пострадавшему пареньку, но хватало жадности и страха перед явно опасным поделеньником.

Вздохнув еще раз, шатун встал с лавки и, вытащив из ножен свой полутесак, нехотя направился к раненому. Даже если бы я не мог ощущать его эмоции, намерения мужчины сомнений не вызывали ни у меня, ни у паренька. А вот дальнейшее стало сюрпризом для всех участников разыгрывающейся трагедии. От парня повеяло мощнейшим страхом, болью и почему-то удивлением. То, что произошло дальше, я уже видел, причем не один раз.

Как там объяснял мне профессор Нартов? «Временный переход накопленной телом энергии в псевдоплоть. Часть псевдоплоти нарастает на тело, создавая как бы живую маску и шерсть, часть проявляется внутри, серьезно усиливая мышцы, а также способствуя быстрому заживлению ран».

Вот именно это сейчас и происходило. Паренек превращался в волколака — антропоморфное существо с головой волка и когтистыми лапами. Судя по всему, это у него впервые в жизни.

Не самые идеальные условия для инициации, но лучше так, чем позволить зарезать себя, как поросенка. Добить парня не успели. Обращение прошло очень быстро, пусть и болезненно для подранка. Но и шатуны опешили настолько, что не успели вмешаться в процесс, а потом было поздно. Новообращенный волколак полностью слетел с нарезки и отдался звериным инстинктам, а они сработали как положено.

Оборотень сорвался с места и вгрызся в глотку противника клыками — они пусть и псевдоплоть, но от этого не мягче тех, которыми обладают обычные волки.

Тактика так себе, это я помню еще по рассказам моего друга Евсея. Он вообще предпочитал бить когтями, а не совать в пасть что ни попадя. Пенять волколаку не стоит — опыта у того ровно пара секунд бытия в новом статусе. Впрочем, хватило и инстинктов. Шатун умер практически без сопротивления. Скорее всего, из-за удивления и шока. Так-то они ребята тертые, что и подтвердил инициатор убийства

молодого напарника. Не успел волколак отбросить от себя труп, как его откинуло назад от удара пули.

Шатун оказался очень быстрым стрелком и вполне мог бы выйти из этой схватки победителем, но в барабане у него были свинцовые пули, а для волколака с хорошим запасом энергии они что слону дробина. Раны на оборотне затягивались очень быстро, а боль и звериная ярость лишь ускорили его движения.

Через пару секунд все было кончено. Обезумевший от боли зверь, в котором не осталось ничего человеческого, в ярости драл труп своего обидчика. Ошметки летели во все стороны. Это зрелище так завораживало, что я едва не упустил подходящий момент. Движением подсекающего рыбу рыбака, за которое меня наградили прозвищем Ловец, я набросил связующую нить на убийцу и почти сразу вывалился в реальность. Призрачная нить натянулась до предела, но не порвалась, а это значит, что убийца ушел не так уж далеко. Что самое неприятное, за ним придется идти к центру Топи.

Выбравшись наружу, я стянул с себя респиратор и с наслаждением вдохнул ароматный лесной воздух.

— Ну, что там? — с нетерпением спросил Леша — Какой-то монстр?

— Нет, — ответил я, — разборки между шатунами. Один из них оказался волколаком.

— Вот уж не было печали, — погрузился в размышления юный следователь.

И я вполне его понимал. Поработай здесь тварь из Топи, мы бы просто закопали трупы и отправились восвояси, а вот за волколаком придется идти, причем если я сумел активировать путеводную нить, то выдвигаться нужно прямо сейчас, не дожидаясь подкрепления. А ведь полицейские в лесу чувствовали себя так же, как бирюки в элитных кварталах Топинска.

— Связь установил? — словно услышав мои мысли, с надеждой спросил Леша.

— Да, — огорчил я друга, но меня волновало кое-что другое.

Ситуация не самая стандартная. Шатуны получили свое профессиональное прозвище из-за особого образа жизни. Полулегальные добытчики магических растений и частей

тел измененных местом Силы животных ходили в Стылую Топь в основном зимой, когда там было не так опасно. Летом в те места сунуться мог только самоубийца. Шатуны обычно проводили межсезонье в Топинске, осложняя горожанам жизнь своими выходками. И все же хватало тех, кто отсиживался на таких вот заимках, уподобляясь бирюкам. Но так они могли лишь снизить затраты на летнее безделье, а не надеяться на серьезный заработок. Тогда что же такого ценного не поделили эти ребята? Находясь в трансе, лежащий на столе предмет рассмотреть я не сумел, а сейчас его там уже не было.

— По коням! — скомандовал Леша, пока я раздумывал.

Этот приказ касался и меня, а вот бирюк попытался тихонько ретироваться, но и его привлекли к вылазке в сторону Топи. Происходящее не нравилось практически всем участникам, но Уложение о полицейской службе не оставляло пространства для маневра. Конечно, я мог бы сказать, что связь не установил, но, если честно, поддался азарту и любопытству, очень уж хотелось узнать, из-за чего разгорелась вся эта кровавая вакханалия. Да и парня было жаль.

Оборотня я не боялся. После вспышки инициации энергии у него все равно не осталось, и максимум, на что способен волколак, так это на частичную трансформацию. К тому же я собирался обойтись вообще без конфронтации. Напрягало другое — по пути мы могли наткнуться на лешего или, не дай бог, мавку. Со свободными энергентами у меня отношения вроде неплохие благодаря рунным татуировкам от языческого жреца. К тому же есть кое-что в запасе, чем можно неприятно удивить особо злобного духа. Проблема в другом — мне вряд ли удастся прикрыть Лешу и его подчиненных.

— Алексей Карлович, вы надели амулет, который я вам подарил? — тихо поинтересовался я у едущего рядом следователя.

По поджатым губам товарища стало понятно, что амулет он оставил дома. Словно школьник, честное слово!

— Маменька заругала? — Вот теперь я разозлился и больше не щадил чувств молодого следователя.

Хельга Франсовна — женщина во всех смыслах положительная, но набожность перешедшей в православие лютеранки иногда утомляла. И тот факт, что сын уже женатый человек, не ограничивал ее яростную опеку над кровиночкой.

— Ох, грехи мои тяжкие. Держи, но это не подарок, а на время, — продолжил я односторонний разговор и снял с шеи свой защитный амулет, отпугивающий духов и защищающий от морока.

Не скажу, что это панацея. Свободные энергенты, в простонародье именуемые духами, рядом с таким амулетом чувствуют себя неуютно, но если сильно разозлятся, то нападут, и никакая висюлька им не помеха.

Такие штуки по моей просьбе ваял Зорян Аристархович Белецкий. Очень колоритная личность — бирюк, шатун и ведун в одном флаконе. А может, и колдун, но разве ж он признается.

Леша не стал отпираться и надел амулет под улыбки полицейских, которые они все же старательно прятали. Их веселье свидетельствовало о том, что не раз битые жизнью дядьки про амулеты не забыли. А про бирюка и говорить нечего — все, кто живет на краю Топи, обереги даже в бане не снимают.

К счастью, мои опасения оказались беспочвенными. До места, где спрятался новоиспеченный волколак, добрались минут за двадцать без малейших проблем. Когда я почувствовал, как нить резко отклонилась, мы как раз пробирались сквозь малинник, которым густо порос склон небольшого холма. Пришлось огибать этот холм, пока не обнаружили тропинку, что вела к небольшой пещерке, больше похожей на нору крупного зверя. Чтобы найти ее, пришлось прибегнуть к помощи бирюка. Он попытался было юлить, но Леша, уже вошедший в роль облеченного властью государева человека, прикрикнул, и лесовик решил не кочевряжиться.

Городовые потащили из кобур револьверы, но я остановил их жестом и повернулся к бирюку.

— Знаешь, как звали молодого парня из компании шатуннов?

— Не, — мотнул головой бородач. — Пахома с Еремеем знал, а малец появился недавно.

— Ладно, — вздохнул я и начал пробираться к входу в пещерку.

По тропке ходили очень редко, так что кусты разрослись. Как только сквозь заросли показался зев норы, из его темного нутра послышался утробный рык.

— Игнат! — обеспокоенно окликнул меня Леша.

— Спокойно! — ответил я и добавил больше для волколака, чем для полицейских: — Не вздумайте стрелять. Спрячьте револьверы в кобуры.

Затем обратился уже непосредственно к спрятавшемуся в норе бедолаге:

— Эй, парень, только не делай глупостей. Я знаю, что ты ни в чем не виноват. Я — видок. Меня зовут Игнат Дормидонтович Силаев. Слышал о таком?

— Да, — через бесконечно долгие десять секунд ответил хриплый голос.

Ну если может членораздельно говорить, то трансформация минимальна либо вообще отсутствует. Мой старый друг казак Евсей мог общаться даже при полном перевоплощении, но для этого нужен солидный опыт.

— Это хорошо. Мое слово крепкое. Я обещаю, что на каоторгу ты не пойдешь. Слышишь меня?

— Да, — как заводная игрушка, ответил волколак.

Хрипотцы в его голосе стало еще меньше. А затем он выбрался наружу.

Да уж, потрепало парня. Выглядел так, словно его пропустили через мясорубку. Одежда изорвана, весь в грязи и крови, да и царапин хватало. Они явно остались после путешествия через кусты, и с этими повреждениями кожи частичная трансформация не справилась — энергии маловато. Но это еще не значит, что стоит расслабляться. Иногда оборотни способны подкинуть неприятный сюрприз. Хотя пока все шло нормально.

Кивнув парню, я, стараясь не поворачиваться к нему спиной, бочком выбрался на свободное пространство, где меня ждали полицейские.

А вот это явный прокол, все-таки расслабился, кикимору мне в тещи!

То, что транс давал возможность ощутить эмоции жертв и убийц, а временами и позволял заглянуть в их память, еще не делало меня менталистом, и предугадать действия полицейских я никак не мог, хотя и должен был просчитать их. Мое появление на полянке было встречено наведенными стволами револьверов, причем всех, включая тот, что принадлежал Леше. Мало того, в левой руке одного из городских звенели массивные кандалы.

Ни прикрикнуть на страдающих паранойей полицейских, ни успокоить парня я не успел. За спиной раздалось злобное рычание. Да чтоб вас всех!

Выбора не было. Пришлось запускать рунные цепочки крыльев Семаргла, нанесенные на мои плечи до самых локтей. Плохо то, что после ритуала освидетельствования нужен перерыв хотя бы в пару часов, чтобы активировать другую цепочку рун, но выбора все равно нет. Мир привычно превратился в тягучий кисель. Я крутнулся на месте так, словно делал это в толще воды, затем шагнул к парню, который буквально кусками обрастал шерстью. От удара лапы, на которой успело отрасти только три когтя, увернулся без особых проблем. Больше беспокоился, чтобы не переборщить с ответным ударом. Тычок кулаком в висок заставил волколака лишь чуть качнуть головой и подогнуть ноги, но я все равно отступил в сторону и замер. Вселенная вокруг меня резко ускорила. Волколак безвольной куклой повалился на траву. Я быстро проверил пульс у него на шее, а уже затем повернулся к полицейским. Судя по их глазам, выражение моей физиономии ничего хорошего не предвещало.

— Что, бродяги, совсем расслабились? Думаете, если погна́ли меня из полиции, то на мое слово можно наплевать?

— Игнат... — промямлил побледневший Леша, но договорить я ему не дал.

— С вас, любезнейший Алексей Карлович, особый спрос. Вы здесь старший, и любая оплошность подчиненных — это ваша вина. Тем более если вы и сами поддались панике.

Выплеснув на окружающих откат от приступа страха, я устало вздохнул. Вообще-то сам виноват. Нужно было подумать о том, как на городских повлияет вид растерзанных

шатунов. Мне за последние годы довелось повидать такое, что не всякий упырь увидит, а они, пусть и живут под боком у Стылой Топи, к подобным зрелищам не очень-то привычны.

— Ладно, хорошо то, что хорошо кончается, — еще раз вздохнув, смирился я. — Давайте сюда кандалы.

Волколака я начал приводить в чувства, только когда его руки сковали наручи, которые толстой и короткой цепью соединялись с широким поясом. В такой-то сбруе не очень повоюешь. Парень выглядел неважно. Трансформация на остатках энергии не прошла без последствий. Псевдоплоть, которая выросла под кожей, после распада воспалила и деформировала ткани, так что лицо бедолаги сейчас выглядело, как у уродца из паноптикума. Но это несмертельно. Подкопит силенок, и после полного обращения все встанет на место.

Придя в себя, юный волколак наградил меня таким взглядом, что, будь он колдуном, мог бы и убить своей ненавистью.

— Не надо на меня так зыркать. Все хороши, и ты — в том числе. Я тебе слово дал? Так чего же ты кидаешься? — нравоучительно высказался я в ответ на молчаливые претензии, затем добавил, отвечая на еще один немой укор: — Да, они схватились за оружие, но это и неудивительно. Когда пойдем обратно, если захочешь, покажу, что ты там наворотил, а точнее, накромял.

Судя по дернувшемуся лицу, возвращаться в землянку парень категорически не хотел.

— Ну, если закончил дуться, тогда вставай и пойдем. Кандалы придется оставить, парень ты у нас нервный и горячий, так что не обессудь. Все мои обещания остаются в силе.

Закончив разбор полетов, я еще раз внимательно осмотрел отводящих взгляды полицейских. Затем, подумав, все же добавил вслух:

— Смотрите у меня, ковбои, кикимору вам в любовницы.

Народ немного успокоился, и мы наконец-то смогли отправиться в обратный путь. Скованный волколак пошел пешком, но я запретил привязывать его веревкой к лошади.

Когда вернулись на поляну с землянкой, Леша быстро составил отчет и передал мне его на подпись. Теперь уже не нужно заверять документ печатью видока. Я просто подписался в качестве обычного свидетеля. Юный следователь решил было приказать забрать тела с собой, но я высказался против — нам только не хватало идти по лесу с двумя мешками, от которых за версту разит кровью и разложением. Так что просто завалили вход остатками навеса. Завтра сюда придут люди старшины шатунов и сделают все, как полагается по их обычаям.

Несмотря на то что лошадка мне досталась действительно кроткая, показавшийся между деревьями серебристый паромобиль-кабриолет вызвал приступ радости — ну не лошадник я. Да и не кошатник, хотя в моем доме и живет кот. Но там отдельная история, и она совсем не о любителе зверей и его питомце.

На водительском месте маялся от безделья мой воспитанник Осип по прозвищу Чиж. Правда, теперь на мелкую птичку он был похож меньше всего. За два года вытянулся, да так, что скоро догонит меня. Парню почти пятнадцать. При всей юношеской худобе благодаря тренировкам он выглядел неплохо, и соседские девчонки уже заглядывались. Да, не красавец, но смазливый, к тому же спортивный, подтянутый и в недешевой одежде, стилизованной под казачью форму. Головного убора по случаю теплой погоды он не носил, что подростку вполне простительно. Я и сам любил полувоенную одежду, но в городе на меня косились, так что чаще приходилось напяливать не очень-то удобный костюм. Хорошо хоть обошлось без популярного здесь котелка — я привнес в этот мир хорошо знакомую с детства шляпу-федору.

— О, да вы, командир, с уловом, — радостно заявил Чиж, на что наш пленник оскалился, но просто как рассерженный человек, а не волколак.

В сочетании с последствиями экстремальной трансформации выглядело это не угрожающе, а неприятно и жутковато.

До города еще далеко, так что никто не удивился, когда я предложил подвезти волколака на паромобиле. Леша не воз-

ражал, потому что это ускорит и его возвращение, а мне нужно было поговорить с парнем наедине.

Как только Осип лихо погнал работающий практически бесшумно паромобиль по едва обозначенной дороге, я повернулся к пленнику.

— Ну и что вы там не поделили? Из-за какого сокровища тебя решили пустить под нож?

Юный волколак насупился и сердито засопел.

— Вот чудак-человек, — хохотнул Чиж. — Да Игнат Домидонтович у нас почти миллионщик. Больно нужен ему твой секрет, даже если вы нашли захоронку Карачуна.

Это уже отсылка к местной легенде об удачливом шатуне и закопанном им кладе.

— За дорогой смотри, — осадил я Осипа, затем добавил для пленника: — Ну, насчет миллионщика — это, конечно, перебор, но твоя добыча мне действительно не нужна. Чистое любопытство.

— Лелин клубень, — посопев, все же признался парень.

— И что это за диковинка такая? — удивился я тому, что впервые слышу о подобном растении.

— Не знаю, — пожал плечами пленник. — Просто слышал, когда эти сволочи гутарили да приценивались.

Заметив мой вопрошающий взгляд, Чиж отрицательно мотнул головой. Он, конечно, не ботаник, но большой специалист по сбору информации, так что знает многое из того, чего вроде бы знать не должен. Но не в этот раз.

Ничего, у меня есть с кем посоветоваться по данному вопросу. Так что не к спеху. Сейчас же нужно заняться судьбой парня. Он мне, конечно, не сват и не брат, но очередной плюстик в отношениях с шатунами не помешает, да и просто по-человечески жалко мальчика.

Постепенно лес поредел, а значит, мы приближались к Топинску. Когда выехали к окружающим город хуторам, дорога стала еще лучше. Здесь выращивали уже не магические травы, а вполне обычные картофель с репой, которые поставлялись на городской рынок. Еще дальше расположились животноводческие хозяйства, но и там и тут дома и сараи строились по типу бревенчатых фортов Дикого Запада. Зверям из Стылой Топи сюда хода нет, они без энергии мес-

та Силы чувствуют себя очень неудобно, но весной с гиблым туманом к дальним хуторам порой навевались очень неприятные гости.

Что же касается окраин города, то народ тут обустроился вполне вольготно и в защитных сооружениях не нуждался. По ночам здесь на улице можно встретить только подвыпивших мужиков да полицейские патрули.

Дорога из грунтовой перешла в гравийную, и паромобиль начал издавать больше шума, чем прежде. Чуть позже мы выедем на мостовую, но она уложена только в самом центре, где живут сливки топинского общества, а теперь еще и звезды имперского синематографа, переселившиеся к нам в том числе и моими стараниями

Топинск не такой уж маленький город — почти пятнадцать тысяч, и рост населения продолжается. Пусть окраины все еще оставались бревенчато-одноэтажными, но центральная часть вполне могла поспорить в плане архитектуры с городами западной части империи. Имелись два рынка, длинный проспект с парками и фонтанами, идущий от железнодорожного вокзала к деловому центру. А магазины, питейные заведения и всякие парикмахерские с салонами красоты уже никто и не считал.

На подъезде к центру мы даже попали в пробку. В городе — самый настоящий паромобильный бум, к чему я тоже приложил свои загребушие руки.

Когда мы притормозили у полицейской управы, спускавшийся по ступеням городской застыл на месте и вытянулся в струнку.

— Здравия желаю, ваше благородие!

— Не напрягайся ты так, Спиридоньч, — усмехнулся я и увидел в ответ доброжелательную улыбку.

Помнят меня здесь, и это приятно.

— Чем-то помочь, ваше благородие?

— Да, отведи этого парня в камеру-одиночку. Только аккуратно. Он, скорее, жертва, чем подозреваемый. И поосторожней с ним. Он — волколак. Сегодня первый раз перекинулся. Сил не осталось, но мало ли что.

Последнее я добавил тихо, потому что даже в городе, расположенном возле места Силы и живущем плодами его ма-

гии, о таких вещах принято говорить вполголоса. Церковь подобных речей не одобряла и даже одергивала болтунов. Святые отцы делали это с благостным выражением лица, елеинным голосом, но такими намеками, что по коже пробежал легкий морозец.

Меня уже раз одернули, и повторения не хотелось.

— Все сделаем, не сумлевайтесь. И устроим, и накормим, и чаем напоим. Только отмывать пока не будем и браслетики не снимем, придется чуток потерпеть. — Пожилой полицейский с усами Тараса Бульбы начал свой монолог для меня, а продолжил уже для юного волколака, и говорил он, как добрый дядечка с любимым племянником: — Ты, малец, будь покоен, ежели Игнат Дормидонтович взялся помогать, то все будет хорошо. Пойдем ужо, бедолага.

Вот так полицейский и увел притихшего волколака с собой. Я на всякий случай кивнул Чижу, чтобы он присмотрел за этим делом. Осип тут же выпрыгнул из кабриолета в своей излюбленной манере — даже не открывая дверцы. Позер.

Сам же я направился в управление на доклад к полицмейстеру. В принципе, это не мое дело, а следователя, но пока Леша сюда доберется на своих коняшках, нужно ввести в курс дела полицейское начальство, чтобы не получилось каких-либо накладок с арестованным.

Секретаря Бренников не держал, так что я сунулся запросто, без доклада, ограничившись только стуком.

— Разрешите, ваше высокоблагородие.

— Игнат Дормидонтович, не паясничайте, — оторвавшись от бумаг, нахмурился исполняющий обязанности полицмейстера. — Вы не на службе, да и на оной вели себя дерзко и без чиновочитания.

— Ну, как хотите, — хмыкнул я и, подойдя к столу, уселся в гостевое кресло.

В отличие от Аполлона новый глава топинской полиции не имел обыкновения держать посетителей на ногах.

— Чем порадуете? — с явной иронией спросил Бренников.

— А знаете, порадую, — не стал я огорчать бывшего начальника и подчиненного в одном флаконе. — Городу ничего

не угрожает. Это не тварь из Топи, а разборки внутри ватаги шатунов.

Кратко описав увиденное в трансе, я присовокупил к фактам свои выводы.

— Ну, от меня зверств не ждите, хотя сами знаете, как я отношусь к шатунам и в особенности — к волколакам среди этой братии, — чуть подумав, сказал полицмейстер. — Лишь бы он убрался из города и не появлялся здесь, пока не научится контролировать себя. А лучше бы вообще не возвращался.

В голосе полицмейстера прозвучал явный намек, да и его взгляд говорил о многом. Похоже, Дмитрий Иванович успокоится, что я решил взять себе еще одного воспитанника.

Признаюсь, мне очень хотелось бы иметь волколака в помощниках. Еще были свежи воспоминания о казачьем уряднике Евсее, не раз спасавшем мою жизнь. Но в данном случае не получится. Юного волколака, выросшего не в стае, воспитывать должны опытные оборотни. Так что я чисто-сердечно признался:

— Об этом позаботятся шатуны, под моим контролем, конечно.

— Ну, тогда остается лишь договориться с судьей, — развел руками Бренников. — Хотя не понимаю, Игнат Дормонтович, зачем вам привлекать свои связи по этому делу?

— Да не буду я ничего привлекать, просто укажу его высокородию на факты, чтобы было принято максимально справедливое решение. А что же касается моего участия, то просто не могу смотреть, как гибнет паренек, причем даже не по глупости, а из-за чужой жадности и злобы. Помнится, когда один бестолковый юноша от дурной впечатлительности запил, вы тоже не отмахнулись, признав его служебное несоответствие, а сумели привести в чувства и направить на путь истинный.

— Опять паясничаете, — отмахнулся полицмейстер. — Ведро колодезной воды привело вас в чувства, а не моя доброта. За вашим протезе присмотрю, даже если станет буйнить, прикажу действовать максимально аккуратно. Хотя, как по мне, все они — нечисть, опасная и непредсказуемая.

Я не стал пенять старшему товарищу на ксенофобию, потому что знал, откуда там растут ноги. Натерпелся он от этой самой нечисти, пусть и меньше моего. К тому же так уж их здесь всех воспитывали, и в воспитании этом кто только не принимал участия, начиная с родителей и заканчивая церковью, что терпимостью и не пахнет. Ну а мне, у кого в друзьях не только волколаки, но и маньяк с упырями, на терпимость грех жаловаться.

Поболтав о мелочах, мы дождались приезда Леши, а затем попросились. Осип уже сидел в машине и на вопросительный взгляд ответил успокоительным кивком.

Сразу от полицейской управы мы поехали к зданию суда, которое входило в пятерку главных достопримечательностей Топинска наравне с вокзалом и городской ратушей. Архитектор явно вдохновлялся римскими мотивами и изваял все в белом мраморе.

Ну а что? Город у нас небедный, так что можем позволить себе некоторый шик. Впрочем, и другие дома центральных кварталов тоже выглядели более чем достойно, но это уже касалось личного достатка богатейших граждан Топинска.

В здании суда, помимо судейских служб, обретались еще и надзорные органы налоговой, а также контролеры от Энергетической коллегии. Да и кое-какие городские службы тоже оказались в стороне от ратуши. Там вообще, кроме кабинетов для заседаний совета и больших помещений, предназначенных для проведения пышных празднеств и балов, больше ничего и не уместилось бы.

В общем, можно сказать, что здание суда являлось самым загруженным в городе. Так оно и было на самом деле, в том числе и сегодня. По коридорам и лестницам сновало множество народа, и порой приходилось расталкивать людей плечами. Мундира на мне не было, поэтому озабоченные своими делами обыватели не спешили расступаться, а порой и хмуро реагировали на мои телодвижения.

В приемной судьбы ситуация оказалась еще хуже. Тут людей набилось, словно сельди в бочке, но проход к столу секретаря все же оказался свободен.

Увидев меня, Никанор Тарасович — старый соратник и правая рука уездного судьи, вскочил и расплылся в улыбке.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая	13
Часть вторая	137
<i>Эпilog</i>	277